

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
РОССИЙСКОЕ ПАЛЕСТИНСКОЕ ОБЩЕСТВО

ПАЛЕСТИНСКИЙ СБОРНИК

ВЫПУСК
2 (64-65)

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

МОСКВА • ЛЕНИНГРАД

1 9 5 6

ОТРЫВОК ИЗ КНИГИ „ИОСИППОН“ В „ПОВЕСТИ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ“

Книга „Иосиппон“ представляет собой своеобразную средневековую хронографию, написанную на древнееврейском языке в довольно позднее время, как предполагают обычно, не ранее второй половины X в. и, вероятно, жившими в Италии евреями.¹ Изложением охватываются события мировой истории и, в первую очередь, еврейского народа, начиная от Адама и разделения языков при „Вавилонском столпотворении“ до взятия Иерусалима — полного разгрома Иудейского государства Титом в 70—73 гг. н. э.

Это произведение называется книгой „Иосиппон“ или Книгой Иосифа бен Гориона (Горионида), так как основным ее источником, повидимому, послужили произведения Иосифа Флавия в их латинской христианской переработке конца IV в., приписываемой Егезиппу.² Еврейский текст „Иосиппона“ сохранился во многих списках XII—XV вв., из которых наиболее хорошо изучены две редакции: так называемая Константинопольская, положенная в основу издания Брейтхаупта (1710 г.),³ и так называемая Мантуанская, изданная Д. Гинцбургом в 1908 г. в Житомире на древнееврейском языке.

Ценность книги „Иосиппон“ как источника для истории иудейского народа обычно расценивается не высоко. Освещение событий окрашено в легендарные тона и отличается сказочными чертами. Известный историк И. Велльгаузен в свое время следующим образом охарактеризовал содержание „Иосиппона“: „На каждой странице выявляется отсутствие какой бы то ни было исторической ценности даже в зерне «Иосиппона».

¹ Как считают, книга „Иосиппон“ написана не ранее 962 г., так как в некоторых ее списках содержится указание на дату коронавания императора Оттона II (См.: П. К. Кок о в ц о в, Еврейско-хазарская переписка в X веке. Изд. АН СССР, 1932, стр. XXII и сл.).

² Очевидно, по причине ненависти к автору „Иудейской войны“ как к отступнику от народных традиций евреи последующих эпох не упоминали его имени, не признавали его произведений. Поэтому и книга была ими надписана именем другого Иосифа, сына Гориона, тоже участника событий 66—70 гг., одного из иерусалимских первосвященников, членов синедриона, упоминаемого во II книге „Иудейской войны“. Считают также, что имя Иосиппон является искажением греческого имени Hegasippus.

³ יוסִיפּוֹן בֶּן גּוֹרִיּוֹן sive Josephus Hebraicus ed. a Jo. Friderico Breithaupto, Gothae et Lipsiae, 1710.

Римские известия свидетельствуют, насколько свободно относится автор к исторической традиции. У него самого невероятные представления о «Селевкидском царстве Македонии» и об его правителях, о «Римском царстве» и его «трехстах двадцати владетелях», о царе римском, об Августе, «царе царей», и об его полководце Антонии. Не менее чудесны и его известия, касающиеся иудейских отношений. Он не имеет о них вообще никакого представления и поэтому не смущается противоречиями. Будучи достаточно охарактеризован такими данными, автор совершенно чужд эпохе, о которой он рассказывает, он творит в стиле библейских хронистов. Поэтому было бы чрезвычайно неосторожным извлекать ту или иную частность из столь нелепого произведения и объявлять ее достойной доверия, если нельзя ее обосновать ссылкой на другой источник¹.

Несмотря на свою историческую недостоверность, а, может быть, именно благодаря ей и благодаря своим фольклорным подробностям, книга „Иосиппон“ чрезвычайно широко распространилась среди евреев, живших в различных странах Востока и Запада. Это произведение обильно цитируется в памятниках еврейско-хазарской переписки, особенно часто в так называемом „Кембриджском документе“.² „Иосиппоном“ в средние века интересовались и не только евреи. Сохранился перевод этой книги на арабский язык, изданный в 1897 г. Веллгаузенем.³ Имеются сведения о древних чешском и польском переводах этой книги.⁴

„Иосиппон“ был уже в древнюю эпоху переведен и на русский язык. Среди текстов древнерусских хронографических сказаний находятся довольно обширные фрагменты отдельных книг этого произведения. Однако они еще не собраны, не отождествлены и не признаны частями единого целого и в большинстве своем не изданы. Богатой событиями литературной судьбе древнерусского „Иосиппона“ посвящается другая специальная работа автора настоящей статьи.

Излагая историю иудейского народа в послебиблейский период, автор „Иосиппона“ вводит в ткань своего повествования также еврейскую версию всемирно распространенного романа об Александре Македонском, так называемой „Александрии“ Псевдокаллисфена. Она занимает большую часть второй книги „Иосиппона“. Роман об Александре возник, по всей видимости, в Египте в эллинистическую эпоху среди греков, населявших эту страну, и был неправильно приписан одному из современников Александра Македонского — Каллисфену.⁵ Существуют десятки

¹ J. Wellhausen. Der arabische Josippon. Abhandl. der K. Gesellsch. der Wissensch. zu Göttingen, Phil. Hist. Klasse, neue Serie, Bd. I, № 4, 1897, стр. 47.

² См. П. К. Коковцов, ук. соч., стр. XXVII и сл.

³ J. Wellhausen, ук. соч.

⁴ Estreicher. Bibliographia polska, t. XVIII. Krakow, 1901, стр. 640—642.

⁵ В. В. Струве. У истоков романа об Александре. Сб. „Язык и литература“, т. II, вып. 2, 1927, стр. 131—146. — А. Ausfeld. Der griechische Alexanderroman. Leipzig, 1908.

версий этого популярного произведения у многих народов Европы и Азии, в том числе достаточно широко представлена и еврейская версия. Эта последняя имеется и в отдельном виде (так называемая книга „Александр Македон“) и в составе „Иосиппона“.¹ Еврейская версия в основном базируется на известной латинской переработке Псевдокаллисфна — книге „О битвах“ (De proeliis) Луитпранда. Однако одним из центральных эпизодов еврейской версии является посещение Александром Македонским Иерусалима во время его похода против Дария. Этот эпизод, отсутствующий в большинстве списков греческого Псевдокаллисфена, восходит к известному месту главы VIII одиннадцатой книги „Древностей иудейских“ Иосифа Флавия, впервые пустившего в литературный оборот передаваемую им легенду.² Последняя лишена, вероятно, каких-либо исторических оснований и возникла в эпоху асамонейской династии, когда иудеи стремились освободиться от эллинистических культурных влияний. Как обычно устанавливается, источники, которыми пользовался Иосиф Флавий в данном случае, в точности не известны. В свое время А. Бюхлер³ доказал, что рассказ Иосифа Флавия скомпилирован по различным источникам, иудейским и самарянским, к которым присоединены также и некоторые греческие, что он состоит из первоначально самостоятельных частей, впоследствии тенденциозно сопоставленных и объединенных, что порядок изложения умышленно нарушен. Однако, повидимому, Иосиф Флавий сам не является искажителем приводимых им текстов, он, вероятно, лишь воспользовался уже готовым, ныне не найденным, тенденциозно переработанным произведением. Сам по себе факт милостивого отношения Александра Македонского к иерусалимскому первосвященнику и к жителям этого города является исторически не оправданным. Сообщения об этом по существу дублируют рассказы Иосифа Флавия об отношении к иудеям со стороны Юлия Цезаря, о котором рассказывается в XIV книге того же произведения (глава X, 6—8).

В рассказе Иосифа Флавия передается на основании устных народных легенд о том, что якобы иерусалимский первосвященник Иаддуй, с тревогой ожидавший приближения к своей столице знаменитого завоевателя с его войском, увидел во сне самого „предвечного“, который велел ему с почетом встретить Александра Македонского, выйдя для этого в пышных одеждах на дорогу, ведущую к городу, и обещал ему благополучный исход этой встречи. Александр, как передает Иосиф Флавий, действительно при виде торжественной религиозной процессии, шедшей к нему навстречу, слезает с коня и благоговейно преклоняется

¹ А. Я. Гаркави. Неизданная версия романа об Александре. СПб., 1892.

² Иосиф Флавий. Древности, кн. XI и XIII. Русский перевод Г. Генкеля. СПб., 1900.

³ A. Büchler. La relation de Joseph concernant Alexandre le Grand. Rév. des études juives, 1898, № 1, стр. 30—50.

перед первосвященником. На вопрос своих приближенных, почему он это делает, царь отвечает, что ему уже раз пришлось видеть в таких одеждах, как у встречавшего его первосвященника, человека, который предрек ему овладение Азией еще тогда, когда он, царь, был еще в македонском городе Дие и обдумывал про себя поход против Дария. После этого Иосиф Флавий говорит о том, что в беседе с царем первосвященник, ссылаясь на пророчество Даниила, предрек ему окончательное поражение Дария и завладение Персидской державой.

Изложенное повествование вошло в некоторые наиболее поздние списки греческого Псевдокаллиста и отсюда с христианскими толкованиями перешло и в русские версии „Александрии“.

Однако еврейская версия романа об Александре, наиболее подробно представленная текстом 2-й книги „Иосиппона“, коренным образом перерабатывает сказание, переложенное у Иосифа Флавия. В легенде сообщается с большей художественностью и драматизмом, что ангел явился во сне не иудейскому священнику, а самому Александру Македонскому, и не в Македонии, до его переправы через Геллеспонт, а в Сирии, непосредственно перед посещением Иерусалима. Встреча передается в форме динамического, эмоционально насыщенного диалога между царем и ангелом.

Приведем для сравнения полностью еврейский текст данного эпизода по изданию Брейтхаупта с параллельным подстрочным его переводом на современный русский язык.

ויצא אלכסנדרום ממקדוניה
בחיל כבוד מאד ויבא על דרוש
למלחמה ויך את כל הגוי אשר
היו בכרית דרוש ויך את ארץ
מצרי' ואת ארץ אדום ויבא בחוף
הים ויך את עכו ואת אשקלון ואת
עזה ושם פניו לעלות לירושל'
להכותה תחת אשר היתה בכרית
עם דרוש ויסע מעזה עם כל מחנהו
הלוך ובוא עד אשר בא בדרך
כמלון ויחן שם הוא ומחנהו.
ויהי כלילה ההוא והנה הוא שוכב
על מטתו בתוך האהל וירא והנה
איש עומד על ראשו לבוש הבדים
וחרבו שלופה בידו ובידו החרב

И вышел Александр из Македонии с войском сильным весьма и пошел на Дария войною. И побил он все народы, которые были в союзе с Дарием. И побил он землю Египетскую и землю Эдом и вышел на побережье моря, и покорил Акко и Аскалон, и Газу. И вознамерился он (букв.: положил лицо свое) пойти на Иерусалим, чтобы покорить его, так как он был в союзе с Дарием. И он вышел из Газы со всем воинством своим и был на пути в становище своем, и он расположился там сам и воинство его. И было ночью той, и вот он почил на ложе своем посреди шатра. И увидел он, и вот муж стоит у изголовья его, облеченный в льняную одежду. И меч

כמראה הברק אשר יבריק ביום
הגשם וירם חרבו על ראש המלך
ויירא המלך מאד ויאמר לו למה
אדני יבה את עבדו ויאמר אליו כי
שלחני אלהי לכבוש לפניך מלכים
גדולים ואדירים ולהכנע תחתך
גוים עצומים ואני הוא המלאך
ההולך לפניך לעזור אותך ועתה
דע כי מות תמות על אשר מלאך
לבך לעלות לירושלם להרע
לכהני יי' ולעמו ויאמר המלך אנא
שא נא פשע עבדך כי אדוני ואם
רע בעיניך אשוב לי ויאמר אליו
האיש אל תירא כי נשאתי פניך לך
לך לדרכך ירושלימה והיה בכואך
מול ירושלם וראית איש לבוש
בדים כמוני כתארי וכדמותי
וכראותך אותו מהר נפול על פניך
ארצה והשתחוה לו וכל אשר יאמ'
אלך עשה ואל תעבור את פיו כי
מות תמות ביום עבדך את פיו.

обнаженный в руке его. И в руке
его меч, как сияние молнии, кото-
рая блистает в день дождя. И за-
нес он меч свой над головою царя.
И испугался царь весьма и сказал
ему: „Зачем господин мой бьет раба
своего?“. И ответил он ему: „По-
слал меня бог, чтобы сломить пред
лицом твоим царей великих и мо-
гучих и покорить под тебя народы
многочисленные. И вот я, ангел,
идуший пред лицом твоим, чтобы
помогать тебе. А теперь знай, что
непреренно умрешь ты за то, что
замыслил ты идти против Иеруса-
лима и причинить зло священникам
Иахве и народу его“. И сказал
царь: „Прости грех рабу своему.
И если зло это в глазах твоих, то
я поверну (назад)“. И сказал ему
муж: „Не бойся! Ибо оставляю
тебе грех твой. Быстро иди путем
твоим к Иерусалиму и будет, когда
ты приблизишься к Иерусалиму,
увидишь ты мужа, одетого в льня-
ные одежды, каким ты видишь
меня. И когда встретишь его,
быстро пади на лицо свое на землю
перед ним и окажи ему почтение,
и все, что он скажет тебе, сотвори.
И не преступай повеления его.
Ибо умрешь в день, когда нару-
шишь речь его...“.

Гл. VII, стр. 88

ויאמר הכהן למלך על פי יי' לך
רכב וצלח כי נתון ינתן בידך ויבא
לפניו את ספר דניאל הנביא ויקרא
בו ויראהו את הכתב אשר כתוב בו
על דבר האיל בעל הקרנים המנגח
לכל רוח ועל דבר צפיר העזים
אשר רץ על האיל וירמסהו ארצה

И сказал священник царю: „По
слову Иахве иди и сокруши его.
Ибо предаст он его (Дария) в руки
твой“. И принес он ему книгу
Даниила пророка и прочитал в ней,
и показал ему писание, которое
было написано в ней о баране
с выдающимися рогами и о козле,
который устремился на барана и

וַיֹּאמֶר הַכֹּהֵן אֶל הַמֶּלֶךְ אַתָּה הוּא
צִפִּיר הָעֲזִים וּדְרִיּוֹשׁ הוּא הָאֵיל אַתָּה
תִּרְמַסְהוּ אֶרֶצָה וּלְקַחְתָּ אֶת מַמְלַכְתּוֹ
מִיָּדוֹ וַיְחַזֵּק הַכֹּהֵן אֶת לֵב הַמֶּלֶךְ.

повергнул его на землю. И сказал священник царю: „Ты — это козел а Дарий — баран. Ты низвергнешь его на землю и возьмешь царство его из руки его“.

И укрепил он сердце царя.

Продитированный рассказ в его древнерусском переводе был использован составителем или переписчиком древнерусской „Начальной летописи“.

В той редакции „Повести временных лет“, которая представлена Ипатьевской и сходными с ней списками летописей под 6618 (1110) г., мы читаем известное рассуждение летописца о том, что ангелы могут быть и у язычников; это рассуждение подтверждается рассказом из жизни Александра Македонского, повествующем о его походе на Иерусалим. Приводим этот рассказ полностью по списку Ипатьевской летописи с разночтениями Хлебниковского списка.

Аще ли кто речеть, яко аньела (ангела Хл.) нѣсть у поганыхъ, да слышитъ, яко Олександрѹ Макидоньскому ополчившю на Дарья и шедшю ему и побѣдившю (повинувшю Хл.) землю всю отъ вѣстокъ и до западъ, и поби землю Егупетьскую, и поби Арама, и приде въ острова морьскыя, и врати лице свое взити въ Ерлѣимъ, побѣдити (побити Хл.) жиды, зане же бяху мирни со Дарьемъ. И поиде со всеми вой его, и ста на товарищи и почи. И приспѣ ночь, и лежа на ложи своемъ посреде шатра, отверзъ очи свои, види мужа, стояща надъ нимъ, и мечъ нагъ в руцѣ его, и обличенье (обличие Хл.) меча его яко молонии. И запряже мечемъ (своимъ Хл.) на главу древу. И ужасеся дрѣвельми и рече: Не бии мене. И рече ему ангель: Посла мя бгъ уимати дрѣвельми великии предъ тобою и люди многи. Азъ же хожю предъ тобою помагая ти (помагати Хл.). А нынѣ вѣдаи, яко умьреши, понеже помыслилъ еси взити въ Ерлѣимъ, зло створити ерѣмъ б[о]жьимъ и к людемъ его.

И рече ему дрѣвельми: „Молю тя, о гѣи, отпусти нынѣ грѣхъ раба твоего, аче не любо ти, а ворочюся дому моему“.

И рече ангель: „Не бойся, иди путемъ твоимъ къ Иерусалиму, и узриши въ Иерусалими мужа въ обличеньи моемъ. Борзо пади на лицѣ своемъ и поклонися мужю тому, и все, еже речеть къ тебѣ, створи. Не преступи речи ему; въ онъ жь днь преступиши рѣчь его, и умреши“.

И вѣставъ дрѣвельми иде въ Ерлѣимъ. И пришедъ въпроси ерѣвельми: „Иду ли на Дарья?“ И показаша ему книги Данила пророка и рекоша ему: „Ты еси козель, а онъ овенъ и потолчеши и воз-

меша царство его“. Се убо не ангель ли вожахе Олександра?
Не погань ли побѣжаше?

Рассказ летописи, без сомнения, не может быть признан плодом творчества самого летописца. Мы имеем в его лице бесспорную поддержку именно из еврейской версии романа об Александре.

Как видим, летописный рассказ представляет собой несколько сокращенное, но весьма близкое к тексту изложение иерусалимского эпизода в еврейской версии. В рассказе летописца мы находим многочисленные следы использования непосредственного еврейского оригинала.

Очевидно, летописец имел перед собою довольно точный древнерусский перевод еврейского подлинника. Даже в летописной передаче явно проступают следы оригинала. Это проявляется в использовании особых значений слов, свойственных именно древнееврейскому языку. Так, в летописном рассказе древнерусский глагол „взйти“ употреблен для обозначения движения к Иерусалиму, что полностью соответствует семантике еврейского глагола **עָלָה** — „идти вверх“, „подниматься“, затем специально „идти по направлению к Иерусалиму“. Во-вторых, текст летописного повествования насыщен буквальными передачами древнееврейских фразеологических сочетаний. Сюда относятся сочетания со словом „лице“ (евр. **פָּנִים**), например, „вратити лице“, а также сочетание „не преступити рѣчи“ и др. Подобного рода семантические и фразеологические гебраизмы могли бы считаться „библейзмами“, поскольку они встречаются в древнееврейских текстах библейских книг и оттуда перешли и в греческий перевод LXX и в старославянские переводы, однако в нашем тексте их следует признать следом непосредственного пользования еврейским подлинником со стороны древнерусского переводчика.

Наряду с семантическими и фразеологическими гебраизмами доказательством непосредственного использования переводчиком еврейского оригинала служат и отдельные черты буквализма в передаче синтаксических конструкций. Так, например: „Зло створити ереемъ божимъ и къ людямъ его“. Русский предлог „къ“ в точности соответствует по своей синтаксической функции еврейскому предлогу **לְ** в значении датива: **לְעָמוֹ**. Явлением такого же порядка нужно считать и смешение в русском тексте личных (указательных) и возвратно-притяжательных местоимений, например: „со всеми вои его“, вместо „со всеми вои своими“. Как известно, древнееврейский притяжательный суффикс третьего лица **וְ** соответствует обоим русским значениям.

Наряду с отмеченными буквализмами перевода следует отметить ряд свободных переводов еврейского оригинала древнерусским переводчиком по смыслу. Так, европейскому фразеологическому сочетанию: **בְּעֵינַיִךְ** **עָרָא** „зло в очах твоих“ — соответствует в русском тексте: „аче не

любо ти“, что совершенно правильно и тонко передает смысловой оттенок еврейской идиомы. Тавтологическое сочетание, дважды встречающееся в еврейском: מוֹת תָּמוּת „смертью умрешь“ — переведено простым древнерусским глаголом: „умьреши“. Любопытно, что сочетание הַיָּם הַיָּם „берег моря“ переведено как „острови морские“.

Отдельные подробности перевода указывают на то, что перед глазами переводчика находилась рукопись, отличная от той рукописи еврейского текста, которая легла в основу издания Брейтхаупта. Так, если в издании Брейтхаупта мы читаем: אֶרֶץ אֲדוֹם „земля Эдом“, то переводчик, по всей видимости, читал: אֶרֶץ אֲרָם „земля Арам“, т. е. Сирия. В еврейском письме начертания букв ר (реш) и ד (далет) настолько близки, что переводчики легко могли их смешать. Повидимому, в оригинале у переводчика имелось это слово в scriptio defectiva. Подобное же смешение мы встречаем и в соответствии еврейского שָׁם פָּנָיו „положил, направил лицо свое“ (т. е. „вознамерился“) и русского „врати лице свое“. По всей вероятности, переводчик мог прочесть שָׁם פָּנָיו, т. е. вместо буквы מ (мем) в его первосписке стояла буква ב (бет); что же касается диакритических знаков над буквой ש, то, как известно, средневековые еврейские рукописи их не употребляли.

Таким образом, приведенные разночтения легко объясняются палеографически.

Итак, летописный рассказ является несомненно цитатой из древнерусского перевода еврейской книги „Иосиппон“.

Языковый анализ летописного отрывка показывает, что перевод, без всякого сомнения, был сделан на Руси и на древнерусский литературный язык. На это указывают многочисленные восточные славянизмы как фонетического, так и грамматического и особенно лексического характера.

Характерны такие слова, как „шатер“, „товарище“ (в смысле „становище“, „лагерь“). Отмечаем такие слова с исконнорусскими фонетическими особенностями: „аче“, „ночь“, „хочю“, „молонии“, „хожю“, „умьреши“, „ворочюся“ и т. д.

Типично восточнославянской следует признать флексию „ѣ“ в форме вин. п. мн. ч. существительного с основой на „jo“: „царѣ“. Синтаксис отрывка поражает своим непринужденным простонародным характером. Для него показательно объединение в одном и том же сложном предложении средств как подчинительной, так и сочинительной связи; например: „аче не любо ти, а ворочюся дому моему“, „въ онъ же днь преступиши рѣчь его, и умреши“. По особенностям языка отрывок резко отличается от других смежных частей летописи, содержащих известия церковного характера.

Таким образом, мы можем на основании приведенного отрывка доказать, что перевод книги „Иосиппон“ на русский язык, притом сделанный непосредственно с еврейского подлинника, существовал уже в пер-

вые годы XII в., т. е. был сделан во всяком случае не позже конца XI в.

Выше мы упомянули, что перевод книги „Иосиппон“ в виде его отдельных частей встречается довольно часто в русских хронографических памятниках XIII—XVI вв. Перевод VI книги заключен в особом сказании так называемого „Еллинского и Римского летописца“ 2-й редакции „О взятии Иерусалима, третье, Титово“. Это последнее произведение сохранилось в трех редакциях, в нескольких десятках списков, цитаты из „Пленения“ прослеживаются в оригинальных русских исторических памятниках вплоть до XVII в. Части III книги „Иосиппона“ обнаруживаются в особом сказании „Плены Иерусалимли“, именно во „Втором пленении Иерусалима“ Антиохом. Это компилятивное произведение сохранилось в так называемом Академическом хронографе.¹ В. М. Истрин, издавший в своей статье об Академическом хронографе² тексты сказаний „О мучении Елеазара и 7 братьев“ и „О восстании Мататиага иерея“, принял их за относящиеся к новозаветной эпохе на том основании, что в них часто говорится о воскресении мертвых и они по стилю напоминают рассказы о христианских мучениках. На самом деле в тексте этих сказаний мы находим точное совпадение с еврейским текстом „Иосиппона“, встречаем оставленные без перевода еврейские слова. Стилистические особенности всех частей перевода „Иосиппона“ совпадают с теми, которые нами отмечены при разборе отрывка из летописи. Это не оставляет сомнения в том, что одновременно были переведены на русский язык все книги „Иосиппона“.

Перевод мог быть сделан в самом Киеве, однако, возможно, пришел на Русь через посредство хазар, в среде которых, как сказано выше, в XI в. был широко распространен еврейский текст „Иосиппона“. На это же указывают и некоторые лексические особенности переводов.

Перевод „Иосиппона“ по содержанию, языку и стилю тесно связан с другими переводными произведениями, современными ему. С одной стороны, это переводы с еврейского таких произведений, как „Есфирь“, возможно, книги Даниила, ряда апокрифических сказаний о Моисее, о Соломоне, о царе Дариане. К этому же циклу, по всей вероятности, относилась и притча „О хромце и слепце“, истолкованная в слове Кирилла Туровского. С другой стороны, это древнерусский перевод „Истории иудейской войны“, сделанный с греческого языка с многими дополнениями против существующих греческих изводов.

Все названные произведения характеризуются известной близостью языка и стиля, что могло бы быть объяснимо, если признать все эти переводы произведениями единой литературно-переводческой школы.

¹ Рукопись Библиотеки Академии Наук СССР № 45-13.4 (XV в.), а также идентичные с нею рукописи: Уваровская № 3(18) и Троице-Сергиевская 3(27) (XVI в.).

² В. М. Истрин. Хронограф Академии Наук № 45.13.4. Одесса, 1905.

Может навести на некоторые мысли по поводу территориального приурочения всех названных переводов следующее наблюдение над специфическими значениями слов. Так, словом „бъбрь“ в книге „Есфирь“ передано еврейское слово חַרְחַר (hur), греческое βύσσον — виссон, со значением „белая драгоценная ткань, шелковая или хлопчатобумажная“.¹

В тексте древнерусской „Истории иудейской войны“ Иосифа Флавия прилагательное „бъбрянь“ соответствует по значению греческому στρικός „шелковый“. Такое совпадение значений бобрового меха и шелка ведет нас именно в Хазарию, так как в арабских и иранских источниках указывается, что в Хазарии словом خاز (хаз) обозначались одновременно как бобровый мех, так и шелк (шелк-сырец).²

Возможно, что именно через хазар и древнерусские переводчики в XI в. получили возможность употреблять слово „бобр“ и производные от него в указанном значении.

Наличие разобранным нами отрывка в „Повести временных лет“ под 1110 г. дает возможность установить *terminus ante quem* для всех указанных древнерусских переводов с еврейского языка. Они несомненно должны восходить к эпохе до XII в.

Все это служит новым ярким доказательством высокого уровня переводческой культуры в древней Руси; переводчики свободно отваживались переводить такие трудные для перевода тексты, как средневековые еврейские, написанные без огласовки и светские по своему содержанию.

До сих пор исследователи, занимавшиеся „Повестью временных лет“, указывали лишь на те источники этого важнейшего памятника культуры и литературы великого русского народа, которые были переведены с греческого языка и пришли к нам через посредство Болгарии. Сюда относятся такие произведения, как хроника Георгия Амартола, Хронограф особого состава, включавший в себя наряду с хроникой Амартола также и хронику Иоанна Малалы, „Летописец вскоре“ Никифора патриарха Константинопольского и др.

Что же касается источников, которые выходили бы за пределы византийско-болгарского культурного круга и были переведены с какого-либо другого языка, кроме греческого, то вопрос о них даже и не ставился в литературе о летописях.

Обнаруженный нами отрывок из „Иосиппона“ помогает расширить список источников, использованных в своей работе составителями летописи. Это подтверждает еще раз, насколько широк был круг их интересов, насколько свободными от религиозной и национальной узости.

¹ Кн. „Есфирь“, I, 6.

² См. об этом: Ch. Frähn. *Veteres memoriae chasarorum ex Jbn Fozzlano, Jbn Naukale ets. Petropoli, 1822, стр. 604, прим. 89.*

были их взгляды, насколько передовым по своему времени было их историческое мировоззрение. Они сумели обогатить мощную и полную жизненных сил культуру нашего народа на первых порах ее развития достижениями многих народов, не уничтожая тем самым ее самобытности и исконно-народного характера.
